

— Я назвала бы это предчувствием. Предостережением. Психосоматическим расстройством.

— То есть, как ни крути, сном?

Она рассмеялась. Очень мелодично, лаская слух. Вновь затрепетали шелка.

— Ну, порой случаются совершенно необъяснимые явления.

— Какие, например?

Она молча уставилась на меня. Наше время истекло.

После сеанса я почувствовала странное облегчение. У меня словно открылись глаза, и я наконец-то увидела все приключившееся со мной в истинном свете: я помещалась. Ну и ладно. Теперь груз ответственности за мой причудливый сон лежит на плечах моего терапевта. А я умываю руки. Пусть доктор Кристина ломает голову над безумием моих грез точно так же, как она ломает голову над чудачествами разведенных супругов, сексуально несовместимых пар и маменькиных сынков. И на четыре с половиной года я позабыла к ней дорогу.

Глава шестая

Июнь. Суббота. Я собираюсь позавтракать с Беллой. Поверить не могу, что мы не виделись почти два месяца! Мы еще ни разу не расставались так надолго, даже в 2015 году, когда Белла целых полтора месяца безвылазно проторчала в лондонском Ноттинг-Хилле, рисуя картины.

В этот раз все дело во мне — я с головой ушла в работу. Чудесную, но совершенно невыполнимую работу. Не просто тяжелую — невыполнимую. Каждый день на меня наваливаются дела, с которыми мне не справиться и за неделю. Я ничего не успеваю. С Дэвидом я вижусь от силы пять минут по утрам, когда мы спронтанно приветствуем друг друга на кухне. Единственная отрада, что наши желания совпадают. Мы оба трудимся не покладая рук на благо будущего. Того самого будущего, в котором нам так хочется жить. Которое видится нам одним и тем же.

На улице льет как из ведра. Весна в этом 2025 году выдалась дождливая, что, впрочем, неудивительно, однако не так давно я обзавелась несколькими новыми платьями и хотела бы ими пощеголять. Белла обзывает меня «консерваторшей» за излишнюю, по ее мнению, строгость в одежде, и сегодня я мечтала сразить ее наповал. Но, видимо, не судьба. Я натягиваю джинсы, белую футболку «Мейдвелл», плащ от «Бёрберри» и резиновые, доходящие до шиколотки сапожки. За окнами плюс восемнадцать. В плаще я, конечно, сопрею, но без него замерзну.

Мы договорились посидеть в «Бюветт», крошечном французском бистро в Вест-Виллидже, которое вот уже десять лет является нашим излюбленным местом встречи. Здесь подают самые восхитительные яйца пашот и самые чудесные крок-месье на всем белом свете и варят самый крепкий и ароматный кофе. Прямо сейчас я бы, наверное, выпила целый литр.

Белла обожает это местечко. Знает по именам всех официантов. Раньше, лет десять назад, она часто заходила сюда, чтобы набросать эскизы.

Я беру такси. Терпеть не могу опаздывать, хотя Белла наверняка замешкается и мне придется ждать ее минут пятнадцать — двадцать. Сколько с Беллой ни договаривайся, она все равно появится минимум на пятнадцать минут позже назначенного срока. Белла постоянно теряется во времени. Постоянно.

Однако сегодня, когда я захожу в бистро, она чинно сидит у окна за столиком на двоих.

На ней алый бархатный пиджак и длинное, слишком длинное для ее метра шестидесяти платье в цветочек с мокрым подолом. Волосы ее распущены и шелковыми, мягкими, как пряжа, локонами ниспадают на плечи. Белла прекрасна. Каждый раз, когда я ее вижу, у меня захватывает дух.

— Поверить не могу! — восклицаю я. — Никак ты меня обскакала?

— Не терпелось с тобой увидеться. — Белла запрокидывает голову, и золотые серьги-обручи мелодично позвякивают, стучаясь об ее шею.

Она вскакивает со стула и крепко-крепко обнимает меня. Я утыкаюсь ей в плечо и с наслаждением вдыхаю знакомый аромат чайного дерева, лаванды и чуточки корицы.

— Я мокрая как мышь! — противлюсь я, но объятий не разжимаю. Наконец-то мы снова вместе. — Я жутко по тебе скучала.

Я засовываю зонтик под стул и вешаю на спинку плащ. Внутри прохладнее, чем мне бы хотелось, и я зябко потираю руки.

— Ты повзрослела. Выглядишь как-то старше, — говорит Белла, удивленно разглядывая меня.

— Вот спасибо, — веселюсь я. — Значит, я превратилась в старую каргу?

— Да ну тебя, я совсем не про то, — отмахивается Белла. — Кофе?

Я киваю.

Она приподнимает чашку, привлекая внимание официанта. Белла заходит в это бистро намного чаще, чем я. Она живет в трех кварталах отсюда, на углу Бликер-стрит и Чарльз-стрит, в особняке из бурого камня. Ее квартира, которую отец купил ей два года назад, занимает целый этаж. Квартира роскошна, богемна, красочна, изящна и отделана с неповторимым, присущим только Белле изумительным вкусом.

— А где же наш дорогой Дэйв? — интересуется Белла.

— В спортзале, — отвечаю я, расправляя салфетку.

— В спортзале?

— Ну, он так сказал.

Белла открывает и закрывает рот. Видимо, ей очень хочется подтрунить над ним, но она не решается. Дэвид ей нравится. То есть я надеюсь, что нравится. Думаю, она предпочла бы видеть рядом со мной кого-нибудь более рискованного или даже безрассудного, способного растормошить меня, вывести за рамки рутинной обыденности. Вот только она забывает, а может, и не понимает, что мы с ней не одного поля ягоды и Дэвид — именно тот, кто мне нужен. Тот, с кем я хочу прожить всю свою жизнь.

— Давай, рассказывай, — тереблю ее я, — как твоя галерея? Как Европа?

Пять лет назад Белла выставяляла свои работы в маленькой художественной галерее «Олеандр» в Челси, на северо-западе Нижнего Манхэттена. Выставка имела успех, пу-

блика раскупила все, и через некоторое время Белла привезла туда новые картины. Прошло два года, и Олеандр, владелец, предложил Белле приобрести у него галерею. Белла согласилась и купила ее на деньги своего трастового фонда. Теперь она рисует меньше, чем прежде, но я рада, что жизнь ее наконец прочно вошла в колею и обрела некое подобие стабильности. Теперь уж она не сорвется невесть куда и не исчезнет на несколько бесконечных недель.

— Мы распродали почти все работы Депреше. Пове­рить не могу, что ты все пропустила. Зла не тебя не хвата­ет. Это была выдающаяся выставка. Лучшая из всех, кото­рые я когда-либо устраивала.

Так Белла говорит о каждом художнике. Каждая вы­ставка, по ее словам, «божественна, чудесна, головокру­жительна». Жизнь для нее — сплошной праздник.

— Дела идут в гору, так что я подумываю нанять еще одну Хлою.

Хлоя — помощница Беллы. Последние три года она работает на Беллу и заведует складом «Олеандра». Она уже дважды поцеловала Беллу, но, похоже, это ничуть не ска­залось на их деловых отношениях.

— Так найми.

— У меня появится время заняться скульптурой, а мо­жет, я снова начну рисовать. Сколько месяцев я не держа­ла в руках кисточку!

— Порой приходится чем-то жертвовать, чтобы вопло­тить свои мечты в реальность.

Белла криво улыбается. Приносят кофе. Я вливаю в не­го сливки и медленно отпиваю дурманящий напиток.

Поднимаю глаза и вижу ухмыляющееся лицо Беллы.

— Чего ты?

— Да ничего. Ну ты даешь! «Жертвовать, чтобы воплотить свои мечты в реальность»! Где ты такого нахваталась? Нормальные люди так не говорят.

— Зато так говорят бизнесмены. Главы компаний. Генеральные директора.

Белла закатывает глаза.

— Господи, в кого ты превратилась...

— Брось, я всегда была такой.

— Не знаю, не знаю... — Белла качает головой, подпирает подбородок руками и пристально смотрит на меня.

Я понимаю, к чему она клонит, но не собираюсь это обсуждать. Действительно ли я всегда была такой? Или в детстве, до смерти брата, я была совсем иной? Беззаботной и легкомысленной девчонкой? Почему мне втемяшилось в голову тщательно распланировать свою жизнь? Потому что я не хотела, чтобы однажды ночью кто-то возник на пороге моего дома и выбил почву у меня из-под ног? Возможно. Но прошлого не вернешь, и теперь я такая, какая есть.

К нам подходит официант, и Белла вопросительно приподнимает бровь, словно спрашивая, *готова ли я?*

— Да, заказывай.

Белла переходит на французский и, указывая на выбранные в меню блюда, советуется с официантом. Я с упоением слушаю ее речь, наслаждаясь ее звонким, веселым голосом. Белла пыталась научить французскому и меня, но из этой затеи ничего не вышло. Бытует мнение, что языки легче даются тем, у кого доминирует правое полушарие мозга, но мне кажется, это все ерунда. Я думаю, что для общения на чужом языке требуется некая раскрепо-

щенность, свобода самовыражения, умение перевоплощаться. Способность перевероршить, словно грудку камней, все таящиеся в голове слова и извлечь именно те, что несут в себе сокровенный смысл.

Как-то мы вместе провели в Париже четыре дня. Было нам тогда по двадцать четыре года, Белла посещала летнюю художественную школу, и я приехала ее навестить. В самый разгар ее романа с официантом, работавшим в кафешке четырнадцатого округа. Мы жили в квартире родителей Беллы на улице Риволи. Белла ненавидела это место. «Куда ни глянь, одни туристы», — кипятилась она, хотя мне казалось, что Париж принадлежал только французам, и никому более.

Поэтому все четыре дня мы провели на задворках французской столицы. Вечерами ужинали в бистро на Монмартре, днями бродили по художественным галереям в квартале Марэ. Парижские каникулы оставили неизгладимый след в моем сердце. Я ведь довольно редко выбираюсь за пределы Соединенных Штатов. Все мои путешествия — это поездка в Лондон с моими родителями и Дэвидом да ежегодные паломничества на острова Теркс и Кайкос с родителями Дэвида. Париж открыл для меня абсолютно другой мир. Иноземный, старинный, необыкновенный. Мир, будто специально созданный для Беллы.

Может быть, мне следовало ощущать пропасть между нами. Ну как же: моя лучшая подруга чувствовала себя в Париже как дома, а я не находила места в этой чужой для меня стране. Однако все было совсем не так. Я пребывала на седьмом небе от счастья. Неважно, что я была немного не в своей тарелке, — важно, что Белла все равно нянчилась со мной, все равно желала — всегда, постоянно, —

чтобы я была рядом с ней как неотъемлемая часть ее вольной, насыщенной событиями жизни.

— Вернемся к нашим баранам, — хмыкнула Белла, когда официант удалился. — Я думаю, жертвенность и достижение целей не имеют между собой ничего общего. Чтобы претворить мечту в жизнь, нужно не урезать себя во всем, довольствуясь малым, а жить на полную катушку, не боясь хватить лишку.

Я отхлебываю кофе. Порой мне кажется, что Белла свалилась с луны: она жонглирует фразами и философскими идеями, понятными только людям ее круга. Людям, которые ни разу не сталкивались с настоящей трагедией. Никто из потерявших в двенадцать лет родную душу никогда не заявит с бесстрастным лицом: *«Значит, на то были причины»*.

— Ладно, пусть каждый останется при своем, — отмахиваюсь я. — Слушай, я сто лет тебя не видела, давай, заговори меня до смерти о Жаке.

Белла улыбается, и краска смущения, заливая ей щеки, поднимается вверх, до самых ушей.

— *Что случилось?*

— Мне надо кое-что тебе рассказать.

Белла протягивает руку и касается моего запястья.

Я мгновенно напрягаюсь, словно Белла задела какую-то чувствительную струну в моей душе — струну, которую только она одна в состоянии обнаружить. «Она познакомилась с кем-то, — озаряет меня. — Влюбилась». У меня болезненно ноет сердце. Я знаю, что произойдет дальше, и мечтаю лишь об одном: пройти все стадии влюбленности Беллы — увлеченность, одержимость, отвращение, отчаяние, апатию — прямо здесь и сейчас, за чашечкой кофе, — и покончить с ними.

— Как его зовут?

Белла изумленно моргает.

— У меня что, все на лице написано? — растерянно спрашивает она.

— Для меня — да.

— Его зовут Грег, — звонко провозглашает она, вложив в один этот слог всю мощь своего голоса, и отпивает газированную воду. — Он архитектор. Мы переписывались в «Бамбле», на сайте знакомств.

Кофейная чашка чуть не выскользывает из моих рук.

— Ты пользуешься «Бамблом»?

— Ну да. Понимаю, ты думаешь, стоит мне зайти в магазин купить молока, как я тут же с кем-нибудь познакомлюсь, но, знаешь, в последнее время мне хотелось чего-то другого, а ничего интересного не подворачивалось.

Я перебираю в уме последних ухажеров Беллы, но вспоминаю только фотографа Стивена Миллза. А с ним она встречалась прошлым летом. Почти год назад.

— Кроме Аннабель и Марио, — ехидничаю я.

Аннабель и Марио — семейная пара коллекционеров, с которыми Белла крутила недолгую, но пылкую любовь.

— Как же без них, — хитро стреляет она глазами.

— Так что с этим Грегом? — напрямую спрашиваю я.

— Мы вместе всего три недели, Данни, но он просто чудо. Такой классный. Милый и умный. И я... Я надеюсь, он тебе понравится.

— Милый и умный, — хмыкаю я. — Грег, значит?

Она кивает, но тут в облаках пара нам приносят заказанную еду. Яйца пашот и хрустящие французские гренки с икрой, тосты с пюре из авокадо и блюдо с ажурными

тонкими блинчиками, присыпанными сахарной пудрой.
У меня начинают течь слюнки.

— Еще кофе? — спрашивает официант.

Я киваю.

— Ням-ням, — бормочу я, накидываясь на тост с авокадо. — Объединение.

Яйцо пашот сочится желтком, я ловлю его ложкой, перекладываю к себе на тарелку и до неприличия сладострастно вздыхаю.

— Да ты прямо как безработный на благотворительном обеде, — прыскает Белла.

— Что-что, а работа у меня имеется, — обиженно фыркаю я, подбираясь к блинчикам.

— Ну да, разумеется. — Белла слегка клонит голову набок. — И как она? Пашешь как вол?

— Пашу. Зато работа — лучше не придумаешь.

Меня так и подмывает съязвить, что не всем же груши околачивать, *некоторым приходится и спину гнуть, чтобы свести концы с концами*, но я сдерживаюсь. Я давно поняла, что грань между объективной критикой и огульным порицанием слишком тонка и не стоит переходить ее, дабы не разрушить нашу дружбу с Беллой.

— Думаю, еще годик, и я стану партнером фирмы.

Белла нетерпеливо ерзает на стуле, платье сбивается набок, сползая с плеча и немного обнажая ключицу. Белла — обладательница пышных форм и соблазнительной фигуры, но сейчас она кажется мне осунувшейся и похудевшей. Помню, в тот месяц, когда за ней увивался Исаак, она потеряла пять килограммов.

А теперь вот Грег. В мою душу закрадывается нехорошее предчувствие.

— Давайте поужинаем все вместе, — предлагает Белла.

— Все вместе?

— Ну да, и Грега прихватим.

Белла закусывает верхнюю губу, выпускает ее и просительно глядит на меня голубыми глазами.

— Данни, можешь мне не верить, но с Грегом у нас все совсем-совсем *по-другому*. Между нами настоящее чувство, понимаешь?

— У тебя со всеми настоящие чувства.

Белла сердито щурит глаза, и некоторое время мы молча играем в гляделки. Но я не умею отказывать Белле.

— Хорошо, — покорно вздыхаю я, — давайте поужинаем. Выбери любую ближайшую субботу, она твоя.

Лицо Беллы просветляется, она накладывает на тарелку яйца и блинчики и принимается за еду с аппетитом, который меня несказанно радует. Дождь прекращается, облака рассеиваются, и на небе снова появляется солнце. Когда мы выходим, на улице почти сухо.

Глава седьмая

— А что стряслось с синей рубашкой?

Дэвид появляется из спальни в наглухо застегнутой черной рубашке и темных джинсах. Мы опаздываем. Через десять минут нам надо быть в Сохо, в ресторанчике «Рубироса», но, чтобы добраться до него, нам потребуется минут двадцать. Как минимум. Белла наверняка опоздает, однако не стоит давать ей ни единого шанса меня

обставить. Нельзя нарушать заведенный порядок. Я еще от недавнего завтрака с ней не оправилась.

— А с этой что не так? — Дэвид придиричиво разглядывает себя в висящем над диванчиком зеркале.

— Да все так, просто я думала, ты наденешь синюю.

Дэвид плетется обратно в спальню. Я занимаю его место перед зеркалом и крашу губы. На мне черная водолазка без рукавов, синяя шелковая юбка и туфли на каблучках. За окном плюс девятнадцать, однако к вечеру обещают похолодание до плюс семнадцати, и я размышляю, не взять ли мне с собой пиджак.

Дэвид возвращается, на ходу застегивая синюю рубашку.

— Теперь ты счастлива?

— Еще как, — хмыкаю я. — Вызовешь такси?

Дэвид утыкается в смартфон, а я проверяю, не забыла ли я ключи, мобильник и браслет с золотыми бусинами, который полгода назад одолжила у Беллы, да так ей и не отдала.

— Такси подадут через две минуты.

Когда мы подъезжаем к ресторану, Белла поджидает нас у входа. Я теряюсь: она снова взяла надо мной верх. Да и с Грегом, похоже, все кончено, так что ужинать придется втроем. Ну, нам не привыкать. Такое уже случалось дважды: с Даниэлем-галеристом и, если я ничего не путаю, с Даниэлем-барменом. На меня накатывает раздражение, которое быстро сменяется жалостью и покорностью неизбежному. Все как всегда. Всегда одно и то же.

— Прости, — извиняюсь я, выбираясь из машины.

Дверь ресторана распахивается, и передо мной вырастает Грег. Который вовсе не Грег. Потому что он Аарон.

Аарон.

Аарон, чье лицо четыре с половиной года стояло у меня перед глазами. Аарон, чье имя я мысленно повторяла вновь и вновь. Аарон, средоточие томящих вопросов и грез, неотступно преследовавших меня все это время, явился ко мне во плоти и крови.

Так, значит, это был не сон... Ну разумеется нет. Вот же он высится прямо передо мной! Это же он! Он самый! Не киноактер, виденный мною в фильме. Не коллега по работе, с которым я когда-то крупно повздорила. Не попутчик, занимавший соседнее со мной кресло в самолете. Нет, он именно тот, кто он есть, — парень из лофта.

Я отшатываюсь. В голове сумбур. Что делать? Закричать? Дать деру? Но я, словно пригвожденная, застываю на месте. Ноги мои прорастают в асфальт. Вот и ответ на все вопросы: Аарон — парень моей лучшей подруги.

— Милый, это моя лучшая подруга Данни. Данни, а это Грег!

Белла прижимается к нему, обнимает его за плечи.

— Привет, — здороваются он. — Много о тебе слышан.

Он поднимает мою безвольно повисшую ладонь и пожимает ее. Я жадно всматриваюсь в его лицо, ища малейшие проблески узнавания, но... Конечно, ничего не нахожу. Что бы между нами ни произошло, оно еще не случилось.

Дэвид протягивает руку. Я цепенею, открыв рот, и забываю его представить.

— Это Дэвид, — кое-как выдавливаю я из себя.

Дэвид в синей рубашке пожимает руку Аарону в белой рубашке. Белла светится от счастья. Я хватаю пересохшим

ртом внезапно ставший разреженным воздухом. Здесь нечем дышать. Мы вот-вот задохнемся!

— Идемте?

Я еле волочу ноги вслед за Греггом-Аароном. Поднимаюсь по ступенькам, захожу в набитый битком ресторан.

— Аарон Грегори, — говорит он администратору.

«Аарон Грегори» молнией мелькает у меня в мозгу. Естественно! Его водительские права!

— Аарон?

— Ах да. Моя фамилия Грегори, но так уж повелось, что друзья зовут меня Греггом.

Легкая тень улыбки скользит по его губам. Такой знакомой мне улыбки. Я теряю самообладание.

Тону. Колени подкашиваются, пол уходит из-под ног, и вот уже я, никем не замечаемая, словно выпущенное из катапульты ядро, несусь сквозь пространство и...

...время.

— Аарон...

Он косится на меня. Он, что б мне провалиться, он! Белла шутит, и Дэвид раздражается смехом. Я вдыхаю запах французской розы — духов Беллы, которые можно достать только во Франции.

— Знаю, ты обо мне невысокого мнения, однако я не так плох, как ты думаешь, — подмигивает мне Аарон.

— Невысокого мнения? — ошеломленно бормочу я, спотыкаясь на каждом слове.

— Ну да.

Мы движемся за администратором. Огибаем барную стойку и змейкой проскальзываем между столиками, где две парочки сосредоточенно поедают пиццу и тянут красное вино из широких бокалов.

— Догадаться нетрудно, — шепчет Аарон. — Ты так на меня смотришь. Да и Белла многое мне рассказала.

— И что же она тебе рассказала?

У арки, ведущей во второй зал, Аарон останавливается и протягивает руку, пропуская меня вперед. Я прохожу, задевая плечом его ладонь. О нет, как такое возможно?

— Она рассказывала, что постоянно встречалась с парнями, которые вытирали об нее ноги, а ты, ее чудесная подруга, всегда прибегала по первому зову, чтобы склеить ее разбитое сердце. Она также предупредила меня, что ты вряд ли проникнешься ко мне любовью с первого взгляда.

Мы подходим к столику слева у стены. Из-под арки выныривают Дэвид и Белла.

— Чур, я в углу! — кричит она, плюхается на стул, подбирая под себя ноги, и усаживает меня рядом с собой.

Дэвид и Аарон устраиваются напротив нас.

— И что здесь самое вкусное? — Аарон широко улыбается, берет Беллу за руку и нежно поглаживает ее пальцы.

Я утыкаюсь в меню, хотя и без того знаю, что мы закажем. Пиццу с руколой и салат «Рубироса».

— Все, — смеется Белла, пожимая руку Аарона.

Грудь ее взволнованно вздымается. На ней коротенькое черное платье с оборками и пышными розами от «Зе Куплес», которое мы вместе выбирали в магазине, ярко-зеленые замшевые туфли на каблуках и огромные зеленые пластиковые серьги, то и дело бьющие ее по щекам.

Я прячу глаза. Пытаюсь отгородиться от Аарона, сидящего от меня в полуметре.

— Белла говорит, ты архитектор, — заводит разговор Дэвид, и сердце мое переполняется от любви к нему.

Он всегда знает, о чем спросить и как вести себя в обществе. Правила светского этикета он выучил на зубок.

— Верно, — усмехается Аарон.

— А я думала, архитекторов в природе не существует, — ворчу я, не отрываясь от меню.

— Вот он я, — тычет себя в грудь Аарон, покатываясь со смеху. — И я существую.

Я поднимаю на него глаза.

— Она намекает на давнишнюю статью Минди Каллинг, написанную миллион лет назад, — неодобрительно мотает головой Белла. — Она утверждает, что архитекторы — выдумки сценаристов романтических комедий.

— Она утверждает? — уточняет Аарон, показывая на меня пальцем.

— Да нет же! Минди! Так утверждает Минди.

По-моему, статью опубликовали в «Нью-Йорк таймс» и называлась она примерно так: «Мифические образы женщин из романтических комедий». В ней Минди разделала под орех мужчин-архитекторов, сочтя их неумным плодом девичьих фантазий. Досталось и девушкам-трудоголикам и эфемерным девицам мечты. Им Минди также наотрез отказала в праве на существование. А теперь вопрос: кем же в таком случае являемся мы с Беллой?

— Если уж откровенно, — поправляю я подругу, — Минди так отозвалась об архитекторах — писанных красавцах.

Белла хохочет. Перегибается через стол и берет Аарона за руку.

— Слушай, ты нарвался на комплимент. Цени!

— О, ну спасибо тогда.

— Мой отец архитектор, — пожимает плечами Дэвид, но мы его не слушаем. Мы заняты выбором блюд.

— Ребята, вы что будете, — спрашивает Белла, — красное или белое?

— Красное, — в один голос восклицаем мы с Дэвидом. Белое мы не пьем. Иногда мы пьем розовое, но исключительно летом, а разве то, что творится сейчас за окном, можно назвать летом?

Подлетает официант, и Белла заказывает «Бароло». Пока мы с одноклассниками в старшей школе стопками глушили водку «Смирнофф», Белла удаляла осадок из каберне, переливая вино в декантер.

Я не большая любительница выпить. В школе выпитый накануне алкоголь не давал мне вставать с петухами и мешал утренним занятиям или пробежкам. Сейчас со мной происходит то же самое, только хуже: я не могу сосредоточиться на работе. С тех пор как мне перевалило за тридцать, даже стакан вина валит меня с ног. А после аварии родители ввели в нашем доме сухой закон. Никому не дозволялось выпить ни глотка спиртного. Даже с наперсток. Родители до сих пор не употребляют ни капли.

— Что-то меня сегодня на мясо потянуло, — задумчиво произносит Дэвид.

Мясо? Но мы ведь всегда заказываем либо пиццу с руколой, либо классическую пиццу!

— И меня, — заговорщически ухмыляется Аарон. — Давай сообразим на двоих?

— На двоих я еще ни разу не соображал, — довольно улыбается Дэвид и, хитро поглядывая на меня, кивает на Аарона. — А он мне нравится.

Я смущена, сбита с толку, ошарашена. В голове моей стучит одна только мысль: Аарон — возлюбленный Беллы. Не какое-то там надуманное предостережение, а живой человек, сидящий напротив моей лучшей подруги. Рубаха-парень, веселый, добродушный и в то же время надежный и серьезный. Балагур. Хотя обычно из парней Беллы слова клещами не вытянешь.

Будь он кем-то иным, я бы только порадовалась за нее. Но он тот, кто он есть.

— Где ты живешь? — спрашиваю его я, вспоминая высоченные стены просторного лофта и громадную кровать у окна с потрясающим видом на город.

— В Мидтауне.

— В Мидтауне?

— Ну да, зато до работы близко, — пожимает он плечами.

— Я сейчас...

Я вскакиваю и стремглав несусь в узенький коридор, в туалетную комнату.

— Что случилось? — настигает меня Дэвид. — Ты просто сама не своя. Что происходит?

— Мне нехорошо, — лепечу я.

— Что с тобой?

Я смотрю на него. В его глазах тревога и... что-то еще. Удивление? Досада? Все может быть, я действительно веду себя донельзя странно.

— Не знаю. Внезапно накатило. Прощу тебя, уйдем отсюда.

Он оглядывается, словно сквозь стену пытаюсь рассмотреть оставшихся в зале Беллу и Аарона, наверняка озадаченных не меньше него.

— Тебя тошнит?

— Похоже на то.

Дэвид смягчается. Теперь он само участие и забота.

— Я скажу Белле и Аарону, — говорит он, обнимая меня. — Иди на улицу и жди меня там. Я вызову такси.

Я киваю. Выхожу из ресторана. На улице заметно похолодало. Зря я не прихватила пиджак.

Появляется Дэвид. В руках у него моя сумка, за спиной — Белла.

— Он тебе не понравился, — цедит она сквозь зубы и воинственно скрещивает на груди руки.

— О ком ты? Ах! Нет. Просто мне нехорошо.

— Не рассказывай сказки! Ты с гриппом в Токио полетела, а тут с каким-то легким недомоганием справиться не можешь! Чепуха. Просто тебя тошнит от Аарона.

— Неправда, — защищаюсь я, хватаясь за живот. — А с гриппом мне пришлось лететь. Это было по работе!

Еще немного, и меня вправду вырвет. Прямо на ее зеленые замшевые туфли.

— А мне он понравился, — пытается примирить нас Дэвид. — Да и Данни тоже, я уверен. Недавно ее знобило, но мы не захотели отменять встречу.

«Какой же он милый, — с благодарностью думаю я. — Врет и не краснеет. И все ради меня».

— Я позвоню тебе завтра, — обещаю я Белле. — Приятного вам ужина.

Белла упрямо не трогается с места, но подъезжает наше такси, Дэвид открывает дверцу, и я очертя голову ныряю внутрь. Дэвид обходит машину, забирается на сиденье рядом со мной, и мы катим по Малберри-стрит. Белла скрывается в недрах ресторанички.

— Как думаешь, ты чем-то отравилась? — наклоняется ко мне Дэвид. — Что ты ела?

— Да, наверное, отравилась, — бормочу я, приваливаясь к окну.

Дэвид обнимает меня за плечи и достает телефон. Когда мы приезжаем домой, я переодеваюсь в спортивный костюм и валюсь на кровать.

— Помочь чем-нибудь? — спрашивает Дэвид, присаживаясь на краешек кровати и заботливо подтыкая под меня одеяло.

— Полежи со мной, — прошу я, хватая его за руку.

— А вдруг ты заразная? — улыбается он, высвобождая руку и глядя меня по щеке. — Пойду-ка я заварю тебе чай.

Я скольжу по нему взглядом. По его карим глазам. По его непокорным, спутанным прядям волос. Сколько я ни упрашиваю его пользоваться гелями — все ведь пользуются! — бесполезно.

— Поспи, — шепчет он. — Утром тебе полегчает.

«Если бы», — с горечью думаю я и мгновенно засыпаю. Мне снится, что я снова вернулась в лофт с огромными окнами и голубыми креслами. Аарона там нет, зато есть Белла. Она вытаскивает из верхнего ящика комода его штаны и, потрясая ими, наступает на меня.

— *Что они здесь делают?* — вопит она.

Я молчу. Но Белла не отстает, надвигается на меня, как грозовая туча. Все ближе и ближе.

— *Что они здесь делают? Отвечай, Данни! Выкладывай начистоту!*

Я беззвучно открываю рот, как вдруг комната наполняется водой, и я давлюсь словами, которые все равно не в силах произнести.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

